

Václav Machek. Česká a slovenská jména rostlin. — Praha, Naklad-ví Českoslov. Akad. věd, 1954. 366 стр.

Рецензируемая книга видного чешского слависта проф. В. Махка «Чешские и словацкие названия растений» представляет итог многолетней работы автора в области этимологии названий растений: исследования отдельных слов публиковались им начиная с 20-х годов¹. Книга дает список чешских и словацких названий высших растений [как народных (см. об этом ниже), так и искусственно созданных учеными-ботаниками] и этимологическое объяснение каждого названия.

Создание такой книги отражает концепцию автора, считающего, что исследование словарного состава должно проводиться по отдельным семантически единым «вещным слоям» (*oblasti věcné*; стр. 8), — концепцию, которой он остается верен и в своих работах о славянских названиях рыб, птиц и т. д.² Отсюда для автора вытекает необходимость сочетать лингвистические знания с профессиональной осведомленностью в данном «вещном слое», т. е. со знаниями ботаническими и этнографическими (поверья, обычаи, связанные с определенными растениями, и т. п.). Подобное сочетание всегда желательно для этимолога, и В. Махек идет по пути, к которому все чаще обращаются современные исследователи. Он ориентируется на лучшие работы такого рода, касающиеся названий растений, — работы Ростафинского³ (для польских названий) и особенно Марцелла⁴. И хотя исследование В. Махка нельзя равнять с фундаментальным словарем Марцелла (как справедливо указывает сам автор, не прделана еще достаточная подготовительная работа для создания подобного чешского словаря), оно выгодно отличается от большинства ботанических словарей, в лучшем случае дающих только полный свод бытующих наименований⁵.

Значение книги В. Махка, содержащей богатый фактический материал, многогранно. Во-первых, эта работа является ценным дополнением к этимологическим словарям чешского и других славянских языков, а также к общеславянским этимологическим словарям, особенно если учесть, что именно названия растений толкуются в таких словарях наиболее гипотетично⁶. С этой точки зрения, естественно, интерес представляют и а р о д н ы е (*lidové*) слова, т. е. не научные (искусственно созданные) ботанические термины, в большом количестве приводимые автором, среди которых многие до сих пор не подвергались этимологическому исследованию. Среди таких слов, разумеется, можно выделить чешские и словацкие новообразования, названия праславянские⁷ и, наконец, общиндоевропейские (или общие для нескольких индоевропейских языков).

Наиболее плодотворны изыскания автора именно в объяснении новейшего пласта —

¹ Ср., например, статьи Махка: о названии *Kalina* (V. M a c h e k, *Kalina*, «Naše řeč», ро.п. XI, 1927); о праслав. **smoky* «фиговое дерево» (е г о ж е, *Quelques mots slavo-germaniques*, «Slavia», ро.п. XXI, seš. 2 — 3, 1953); е г о ж е, *Quelques noms slaves de plantes*, «Lingua Posnaniensis», II, 1950 и т. д.

² V. M a c h e k, *Einige slavische Fischnamen*, «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XIX, Heft 1, 1947 (обл.: 1944); е г о ж е, *Einige slavischen Vogelnamen*, там же, Bd. XX, Heft 1, 1950 (обл.: 1948).

³ J. R o s t a f i ŋ s k i, *Słownik polskich imion rodzajów oraz wyższych skupień roślin*, Kraków, 1900. (Книга частично устарела.)

⁴ H. M a r z e l l, *Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen*, Leipzig, с 1937 г. (издание не закончено).

⁵ Ср., например, объемистый словарь Г.Герта ван Вейка (H. L. Gerth v a n W i j k, *A dictionary of plantnames*, The Hague: vol. I—1911; vol. II—1916), где приводятся (но не толкуются!) английские, французские, немецкие и голландские народные названия растений. Особенно же бедны подобными словарями языки восточнославянские, где наиболее авторитетным источником названий остается труд Н. Анненкова (Н. А н н е н к о в, *Ботанический словарь*, СПб., 1878). К сожалению, в многотомном издании «Флора СССР» (Л., с 1934 г.) не нашлось места народным наименованиям растений.

⁶ В подтверждение этого В. Махек в предисловии к своей работе приводит высказывания В. Кипарского и А. Шульца. Нужно отметить, что указанная гипотетичность толкований идет частично от отсутствия ботанических познаний у лингвистов. Как замечает Э. Буазак (E. B o i s a c q, *Dictionnaire etymologique de la langue grecque*, 2-е éd., Heidelberg—Paris, 1923), «названия деревьев часто подвергаются семантическим изменениям» (стр. 237), и, добавив, лингвисты, не зная материальной основы таких изменений, прибегают к разнообразным необоснованным гипотезам. Многообразие форм, характерное для названий растений, также затрудняет толкование.

⁷ Автор, к сожалению, не выделяет т о л ь к о западнославянские образования. В этом отношении нельзя основываться на наличии в книге только польских и лужицких параллелей к чешским и словацким словам: часто это объясняется простым упущением южнославянского или восточнославянского материала. Так, в параллель ст.-чеш. *ptač'i zob*, польск. *ptasia zob* («*Ligustrum*», стр. 181) не приведено русск. *зобник* «*Strumaria*» и названия других растений (В. Д а л ь, *Толковый словарь*, т. I, М., 1935, стр. 713).

слов только чешских и словацких. Причину этого легко понять, если учесть, что такие слова находились почти целиком вне сферы внимания этимологов. Здесь ярко проявляются сильные стороны метода Махка — пристальное внимание к семантической стороне вопроса, тщательное рассмотрение аналогичных явлений. Хочется выделить прежде всего тщательно отмечаемые автором многочисленные переделки первоначальных названий под влиянием народной этимологии, детальный анализ произошедших звуковых и семантических изменений.

Так, например, удачно разъяснены названия растений вида *Pulsatilla* (стр. 48—49): ст.-чеш. *poniklec* (<**po-niknqti*), по диссимиляции >*koniklec* >*konikleč* (сближение с *kleč* «изогнутое дерево, стебель»), а отсюда уже, по аналогии с другими названиями с *koně* («конский») в качестве первой части сложения, — разложение названия на *koně kleč* и даже *konský kleč*¹. В других случаях (например, в названиях для рода *Oporogodon*), которые автор считает наиболее характерными для данного явления (стр. 257—258) будущий исследователь сможет пойти по пути, намеченному Махком, даже не соглашаясь с ним в ряде деталей.

Осведомленность автора в ботанике помогает ему в объяснении названий, имеющих в основе обозначение определенных свойств растений, причем часто оказывается, что при наличии резко бросающегося в глаза свойства аналогичные названия могут возникать в разных языках независимо друг от друга: ср. названия рода *Briza* (стр. 280): чеш. *trěstice*, польск. *drżaczka*, серб. *trepetica*, болг. диал. *треперушка* и даже нем. *Zittergras* — все от разных корней, но обозначающие одно: свойство этого травянистого растения качаться при малейшем дуновении ветра (ср. чеш. *trásti se*, польск. *drżeć*, серб. *trepetať*, болг. *треперя*, нем. *zittern* — все со значением «качаться, колебаться, дрожать»).

Справедливости ради надо отметить, что множество семантических сдвигов, бегло отмеченных, но не объясненных или спорно объясненных Махком, еще ждет своего исследователя. Так, непонятной остается, например, семантическая связь параллельных названий для *Viola tricolor* (стр. 72); чеш. *sírołka*, нем. *Stiefkind*, с одной стороны, и чеш. *maceška* (ср. русск. *мачеха*, *мать-и-мачеха* «*Tussilago farfara*»²), нем. *Stiefmütterchen*, с другой, несмотря на объяснение автора, видящего в этой двойственности простой скачок от понятия «сирота, падчерица» к противоположному понятию — «мачеха».

Особой заслугой автора является выделение названий, в основе которых лежит *signatura rerum* (т. е. приписывание растениям магических лечебных свойств на основании их чисто внешних признаков³; см. об этом стр. 12). Так, например, форма листьев растений вида *Mesembryum*, напоминающая ноготь (ср. серб. *nokatac*), заставляет предположить лечебное действие этих растений против кожных заболеваний под ногтями, откуда возникает новое название; хорв. *zanoktika*. Возможность раскрыть такие названия обусловлена знанием народных преданий и поверий, и, несомненно, большинством объяснений Махка будет интересно не только языковедам, но и этнографам.

Другой сильной стороной исследования является анализ заимствований в чешском и из чешского, в особенности установление соответствий между чешскими и немецкими народными названиями (здесь несомненною услугу автору оказал словарь Марцелла). Подробно исследуются преобразования заимствований под влиянием народной этимологии (ср. стр. 300: нем. *Brustwurz* «*Acorus*» является источником для ст.-чеш. *prustvorec*, совр. чеш. *prustvorec*, *pruškvorec*, *bruškvorec*, *bl'uškvorec* и т. п. разнообразных форм в говорах), пародные кальки (стр. 142: *skoces* «*Impatiens*» = нем. *Springkraut*); указываются немецкие слова славянского происхождения, в которых обнаруживаются подобные же категории: ср. многочисленные формы, параллельные ср.-н.-нем. *ogurke*, совр. нем. *Gurke*, приводимые Ф. Клуге⁴, или кальку нем. *Herr-*

¹ Анализ этого любопытного названия наносит удар по теории, объясняющей названия растений, образованные от слов, обозначающих животных (т. е. с первой частью типа: *конский, козий, коровий*), бесполезностью данных растений для человека (к чему склоняется и В. Махек; стр. 11), и показывает, какими неожиданными путями могут появляться такие названия.

² В. Д а л ь, Толковый словарь, т. II, М., 1935, стр. 316.

³ Правильно виды в этих названиях пережитки древнейшего способа мышления, автор (по Леви-Брюлю) определяет этот способ мышления как основанный на «особой логике», т. е. дологический (стр. 12). К. Яначек в своей рецензии на книгу В. Махка справедливо усматривает связь между такими названиями и словами-табу (см. «Slavia», ročn. XXV, Praha, 1956).

⁴ F. K l u g e, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 10-e Aufl., Berlin — Leipzig, 1924, стр. 193. В одиннадцатом издании словаря (1934) Клуге указывает, что источником для немецких слов послужило не одно только польское *ogurke* — славянские названия «огурца» проникли в немецкие говоры в различных пунктах (стр. 222). Это, однако, не противоречит тому, что разнообразные преобразования слова происходили уже на немецкой почве.

gotthölzel, *Gottesbäumchen* «*Artemisia abrotanum*» (только в областях, граничавших со славянскими) = ст.-чеш. *božie dřevce* (стр. 249)¹. К сожалению, в меньшей степени проделана подобная работа в отношении других неславянских² и славянских языков (за исключением анализа украинских заимствований в валахских говорах; ср. стр. 10).

Древний пласт славянской лексики — названия праславянские — освещается автором значительно менее подробно, чем более поздние образования. Здесь автор чаще не отступает от укрепившихся в этимологических словарях толкований, реже пытается дать новое объяснение слову, притом некоторые из этих объяснений представляются нам весьма спорными. Так, В. Махек отвергает общепринятое мнение о заимствовании праслав.* *bukъ* из германских языков (так полагают А. Вальде, Э. Бернекер, В. Кипарский и все позднейшие исследователи³), считая это слово исконно-родственным с лат. *fāgus*, греч. *φηγός*, что невозможно фонетически [в частности, и.-е.* *g* (**bhūgos*) никак не может дать слав. *K*] (автор объясняет фонетические несоответствия праевропейским происхождением слова — ср. ниже). Чтобы доказать свое мнение, В. Махек также недостаточно обоснованно объясняет сопоставление праслав.* *bъzъ* «бузина» с упомянутыми латинскими и греческими словами бессмысленным (стр. 221: «*běžná domněnka... je cela nesmyslná*»), хотя это сопоставление, принимаемое уже А. Преображенским, находит яркое подтверждение в аналогичном семантическом переходе: лит. *bukas* «бузина» заимствовано из белорусск. *бук*.

Некоторая неудовлетворенность отдельными толкованиями возникает у читателя также потому, что автор стремится к краткости и, как правило, не приводит иногда противоречащих друг другу взглядов различных исследователей (ср. стр. 22), давая лишь одну, наиболее верную, по его мнению, этимологию.

Автор охотно прибегает к рискованным гипотезам в случаях, когда соответствия между славянскими и другими индоевропейскими названиями растений не объясняются удовлетворительно известными фонетическими закономерностями. При этом он опирается на следующее положение: если звуковые различия в словах индоевропейских языков так велики, что не дают возможности восстановить исходную форму, значит данные слова взяты индоевропейцами из языка более древних обитателей Европы (стр. 9). Исходя из этого предположения (которое, возможно, доказуемо для нескольких слов, что решит только детальное исследование), автор зачисляет большинство трудно объясняемых слов в категорию «праевропейских». Даже наиболее убедительный, по мнению автора, пример (он приводит его в предисловии на стр. 9 как характерный для всей упомянутой категории) — сопоставление праслав.* *jedla* «ель» с греч. *ἐλάτλη* и объяснение звуковых различий «праевропейским» источником — вызывает серьезные сомнения. Праслав.* *jedla* сближают с лат. *ebulus* «бузина» (Фасмер⁴), греч. же *ἐλάτλη* ставится в связь с и.-е.* *el-* (<**eln̥tā*, ср. арм. *elevin* «кедр») или с и.-е.* *lento-* «сгибающийся» (ср. нем. *Linde* от этого корня), причем и в том, и в другом случае предполагают, что это было первоначально название другого растения, только впоследствии перенесенное греками на «ель»; таким образом, на основании имеющихся данных трудно предполагать генетическое родство славянских и греческих названий.

Мало оснований также причислять к «праевропейским» названиям праслав.* *orkyla* «ракита» (стр. 133), возводимое обычно к индоевропейскому корню **arqu-* «согнутый»⁵, польск. и н.-луж. *witwa* «ветла», сближаемое В. Махком с нем. *Weide* (стр. 133) (уже само распространение слова заставляет подозревать новообразование: скорее всего это контаминация праслав.* *vitъla* и праслав.* *jiva*, на что указывает и другая контаминация: польск. диал. *wiwa*⁶). И, наконец, почти везде, где фонетические детали прасла-

¹ Подобные факты говорят о в з а и м о с т и чешско-немецких влияний в противоположность укрепившемуся мнению о ничтожности влияния славянских языков на немецкий.

² Здесь у автора нет твердой почвы; ср. (стр. 161) возведение серб. *коморач*, *коромач* «*Silaum*» к греч. *ἰπποράτρου*, что бездоказательно, если нет промежуточных стадий.

³ A. W a l d e, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Bd. II, Berlin — Leipzig, 1927 [обл.: 1926], стр. 128—129; E. B e r n e k e r, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Heidelberg, 1924, стр. 99; V. K i p a r s k y, Die gemeinlawische Lehnwörter aus dem Germanischen («*Annales Academiae scientiarum Fennicae*», Ser. B, t. XXXII, Helsinki, 1934). Ср. еще K. K n u t s s o n, Die Germanischen Lehnwörter im Slawischen vom Typus *buky*, Lund, 1929.

⁴ M. V a s m e r, Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1953, стр. 398.

⁵ См. A. W a l d e, указ. словарь, т. I (1930 [обл.: 1928]), стр. 152; т. II, стр. 437; É. B o i s a c q, указ. словарь, стр. 297.

⁶ A. W a l d e, указ. словарь, т. I, стр. 81.

⁷ По Махку (стр. 133), из **vitewa* (польск. *witwa*) с утратой *-e*, *wiwa* с утратой (*vypuštěno*)-*te*, а **jiva* с утратой *-te* и начального *-v* (!?).

вянского слова неясны, автор указывает: «слово, может быть, «праевропейское»» (ср. стр. 132). Это приводит Махка к признанию «праевропейскими» даже названий растений, с которыми славяне познакомились относительно поздно, например **bruku* «брюква» (стр. 57). [Неясность источника заимствования, на которую ссылается автор, была устранена К. Кнутсоном, указавшим на слово средневекового латинского монастырского жаргона *brūka* «брюква», объясняющее форму немецких и славянских слов (н.-нем. *bruke*, *wruke*)]¹.

Такая произвольная этимологизация безусловно является недостатком книги². Наряду с народными названиями растений, автор широко приводит чешские и словацкие ботанические наименования, искусственно создаваемые со времени появления первого обобщающего труда по чешской ботанической терминологии книги И. Пресла³ до наших дней. Дав в предисловии (стр. 13—19) сжатый, но четкий обзор изменений в ботанической терминологии, автор (на основании тщательного изучения работ ботаников-термиологов) детально исследует истоки многообразных искусственных образований. Чаще всего такие образования создаются путем перевода (калькирования) греко-латинского научного наименования (ср. стр. 300: чеш. *měkkilka* = ботанич. *Malaxis* от греч. *málaxēs* «мягкий»), чехизации русского, польского или сербского слова (излюбленный прием И. Пресла; ср. стр. 27: чеш. *plavůň* «*Lycopodium*» из русск. *плавуш*, *плауш*; стр. 229: чеш. *lubenka* из слов., серб. *lubenica* и т. д.)⁴. Словацкая терминология, созданная главным образом Я. Новакким⁵, во многом копирует чешскую. Эта часть работы В. Махка также представляет интерес для лингвиста: она дает возможность проследить, как формируется национальная терминология для отдельной отрасли знания, выяснить вопрос о долговечности термина в зависимости от правильного применения словообразовательных элементов, принципы, на которых строятся терминологии как искусственно регламентируемая часть лексики и т. д. Нечего говорить о значении материала, собранного В. Махком, для будущих терминологических работ, в частности для подготавливаемого словаря Ботанического общества (ср. стр. 8).

Несколько слов о размещении материала в книге. Избранный автором порядок (расположение по семействам) в какой-то степени оправдан (автор объясняет его лингвистическими соображениями: внутри семейств часто происходило перемещение названий, их удобнее рассматривать как целое), но для лингвиста было бы предпочтительнее размещение в алфавитном порядке чешских названий (так как родственные названия довольно часто относятся к разным ботаническим семействам), для ботаника — в алфавитном порядке латинских названий (как в словаре Г. Марцелла). Впрочем, каждый из указанных способов имеет свои неудобства, а в работе В. Махка они частично возмещаются подробными указаниями слов.

Хотя объем книги и ее специфический характер (не словарь всех слов, а исследование м п о г и х) не позволили автору ввести отчетливое разграничение названий, применяемое в словаре Г. Марцелла: названия по свойствам растений, по месту произрастания, заимствования, перенесение названий других видов и т. д. — все же следовало бы давать более резкое членение названий на искусственно созданные и народные (здесь иногда неясность объясняется самими первоисточниками, где не указано, откуда взято название) и, особенно, выделить официальные ботанические наименования, принятые в настоящее время. Ценные дополнения к материалам, собранным автором, могли бы дать недавние работы З. Калиновской и О. Вальмена⁶, а также книга М. Мельника⁷, дающая много украинских названий растений.

¹ К. Knutsson, указ. соч., стр. 14. Ср. также: E. Berneker, указ. словарь, Bd. I, стр. 89; M. Vasmer, указ. словарь, стр. 131.

² К. Яначек (см. лит. рецензии), признавая шаткость оснований гипотезы Махка, видит его заслугу в том, что он выделяет в особую группу все праславянские названия, необъяснимые с точки зрения обычных фонетических соответствий из индоевропейских.

³ J. S. Presl et C. B. Presl, *Flora čechica*, Prague, 1819.

⁴ Интересно, что даже описка не может помешать слову сделаться ботаническим термином (что, впрочем, имеет подтверждение в истории франц. исп. *zénith* < араб. *zami*): термин Пресла *jarva* «*Spidium*» (указ. соч., стр. 161) возник из нем. *garwe*: по ошибке *g* было прочтено как *j*.

⁵ В книге: J. Dostál, Květena ČSR a ilustrovaný Klíč k určení všech cévnatých rostlin, Praha, 1950.

⁶ З. Е. Калиновска, *Polskie nazwy roślin opisane w niemieckim Zielniku H. Bocka z roku 1587, «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska», Sectio E, IV, 5, Lublin, 1949; O. Wallmén, Alte tschechische Pflanzennamen und Rezepte im botanicon Dorstens, «Etudes de philologie slave», publ. par l'Institut russe de l'Université de Stockholm, Uppsala, 1950.*

⁷ М. Мельник, Українська номенклатура висших рослин, Львів, 1922 (использован словарь Б. Гринченко и другие материалы).

В заключение следует подчеркнуть, что интересная и пужная работа В. Махка ценна не только как самостоятельное исследование, но также и тем, что работа эта дает толчок к дальнейшему, еще более глубокому анализу собранного материала (такой характер своего труда подчеркивает и автор; стр. 6—7). Будущее же исследование в этой области станет плодотворным, если для других славянских языков будет проделана кропотливая работа, которую осуществил В. Махек для чешского и словацкого языков. В частности, именно такой работы ждет не только не исследованная, но и не зарегистрированная полностью масса восточнославянских названий растений.

В. М. Илич-Свитыч

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Наша литература по вопросам истории английского языка пополнилась двумя трудами, вышедшими в 1955 г., — посмертной книгой проф. А. И. Смирницкого «Древнеанглийский язык»¹ и книгой доц. В. Д. Аракина «Очерки по истории английского языка»². Выход в свет этих двух трудов следует приветствовать как показатель растущего интереса к вопросам истории английского языка и как признак начала научной дискуссии в печати по некоторым из этих вопросов.

Обе книги предназначены примерно для одной и той же аудитории: они ориентированы на читателя, который уже изучил элементарный курс истории языка на студенческой скамье и стремится расширить и углубить свои знания по этому предмету.

Этим, однако, сходство между обоими трудами и ограничивается. Кардинальное различие приходится констатировать в самом подходе того и другого автора к явлениям истории английского языка. Интерес А. И. Смирницкого в первую очередь направлен на *синхронное* описание строя древнеанглийского языка, тогда как В. Д. Аракин стремится дать *диахроническое* изложение явлений с целью объяснить современное состояние английского языка. В. Д. Аракин, как и следовало ожидать по заглавию книги, посвящает отдельные очерки, вошедшие в ее состав, отдельным аспектам языка — развитию фонетической системы и орфографии, развитию грамматического строя и развитию словарного состава. Поэтому с материалами книги А. И. Смирницкого соприкасаются только те разделы «Очерков», в которых идет речь о явлениях древнеанглийского периода как о начальном этапе развития.

Введение к книге «Древнеанглийский язык» А. И. Смирницкий посвящает вопросу о различении синхронии и диахронии в изучении явлений языка и вопросу о сравнительно-историческом методе. Он совершенно справедливо указывает (стр. 5), что наши языковеды, стремясь избежать «отрыва» синхронического изучения языка от диахронического — отрыва, в котором был повинен Ф. де Соссюр, зачастую должным образом не различают диахронию и синхронию. «А ведь „отрыв“ и строгое „различение“, — замечает А. И. Смирницкий, — совсем не одно и то же» (стр. 5). Это замечание, справедливое по существу и точно сформулированное, лежит в основе той трактовки явлений древнеанглийского языка, которую дает А. И. Смирницкий в своей книге. На стр. 8 он формулирует следующий безусловно правильный и очень полезный принцип: «Подлинный историзм требует строгого различения того, что стало, и того, что было, качества нового и прежнего, уже утраченного, на месте которого это новое развилось». Во второй части введения (стр. 8—10) изложены воззрения автора на сущность сравнительно-исторического метода. Он предлагает различать сравнительно-историческое изучение языков и сравнительно-исторический метод как один из специальных приемов, необходимых для такого изучения. При этом цель сравнительно-исторического метода в этом узком смысле заключается в восстановлении не засвидетельствованных в письменности языковых фактов. Такое определение можно, конечно, оспаривать, но оно вполне возможно, и автор в дальнейшем строго его придерживается.

Из 19 глав книги первые четыре посвящены характеристике английского языка в целом, древнеанглийского языка, периодов истории английского языка и древнеанглийских письменных памятников. Глава V дает характеристику древнеанглийского стихосложения. Система стихосложения не составляет, как известно, части системы языка в точном смысле слова и обычно не рассматривается в работах по истории языка. Включение этой главы в книгу А. И. Смирницкого следует расценить как весьма положительное явление. Отдельные главы посвящены вопросам письменности: в VI главе

¹ А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, М., 1955.

² В. Д. Аракин, Очерки по истории английского языка, М., 1955.